

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ ДРАКУ

Агрессия и её неистовые ревнители

Мы поведём разговор об азбучных истинах, давно и прочно усвоенных народным сознанием и укоренившихся в фольклоре. Ещё недавно столь банальные рассуждения не стоило бы и публиковать: к чему ломиться в открытую дверь? Но в последние годы во всём мире этический дальтонизм стал столь распространённым, что мы вынуждены сообщить вам без ёрничанья и кокетства: «Волга впадает в Каспийское море, а агрессия и злоба не приносят счастья».

1

Арсений
Замостьянов

Этой весной в сетевом журнале «Интеллигент» (<http://www.intelligent.ru>) одна из статей привлекла моё внимание заголовком «Занесённая рука открывает целый мир боли». Вероника Маанди обратилась к проблеме, которая немало лет (веков?) стоит перед российским просвещением: «Детей в России били и бьют. А если судить по росту подростковой агрессивности, в последние годы — значительно больше. 10–13-летние дети в слепой ярости забивают до смерти запоздалого прохожего, а потом невинно моргают, искренне не понимая, как это могло с ними случиться, но и не особенно переживая. Где корни этого насилия, этой неподконтрольной сознанию ненависти, полного отсутствия жалости к жертве и неспособности к раскаянию? Где, как не в перенесённых, а зачастую и продолжающихся родительских и учительских (их ведь тоже «нельзя ненавидеть, надо уважать») издевательствах, физических и моральных?» Кричащая, газетная актуальность этих тревог соседствует с многолетней идейной борьбой за человечность. Нужно ли обуздывать в себе животное начало? — для многих ответ на такой вопрос неочевиден. Вот и Эллис Миллер, психолог из Швейцарии, выводит генетику нацизма из жестокой прусской воспитательной системы. Научно-популярное исследование «Для нашего собственного блага: скрытая жестокость в воспитании детей и корни насилия», несомненно, свидетельствует об актуальности старинных проблем и для современной Европы. Э. Миллер утверждает: «Информация об испытанной в детстве жестокости в бессознательной форме сохраняется и накапливается в мозге человека. Сознанию ребёнка невозможно вместить опыт подобного обращения со стороны взрослых. Чтобы не разрушиться под воздействием боли и страха, он должен вытеснить знание о них. Однако бессознательное толкает его к тому, чтобы воспроизводить вытесненные сцены снова и снова в попытке (и в тщетной надежде) избавиться от страха, ко-

торый родили в нём жестокость и издевательства. Жертва создаёт подобные прошлым ситуации, но на этот раз берёт на себя активную роль, чтобы побороть чувство беспомощности и избавиться от бессознательной тревоги».

Всегда ли хороша бескомпромиссность, всегда ли правы непоколебимые пассионарии с их «большими батальонами»? В предреволюционные годы родилась шутка — пародия на «Варшавянку». Кажется, это Юлий Мартов придумал: «Если возможно, то осторожно шествуй вперёд, рабочий народ!» Не пора ли и нам сделать ставку на осторожность, как это было в послекризисные годы правления первых Романовых, царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета? Не пора ли охладиться? Был у Ивана Ивановича Шувалова добротный девиз — «Потихоньку, мало-помалу». И нужно сказать, что этот просвещённый граф, друг Ломоносова, первый меценат российского просвещения, успел сделать поболее иных громогласных прожектёров. Дело в том, что камергер императрицы Елизаветы был меланхоликом, спокойным и надёжным администратором. Нынче же властная мода, стремящаяся всё втиснуть в прокрустово ложе стандарта, формирует образ страстного холерика — хозяина жизни и потребителя развлечений. Нам предлагают жить шумно, судорожно, самое популярное сленговое слово XXI века — *зажигай*. Это ещё не агрессия, но уже почти истерика. Ради моды на горячий темперамент начинается ломка традиций революционного масштаба. Смысл же русской истории в том, что на революцию наш народ решается крайне редко. Решается, если речь идёт о жизни и смерти, если нужно делать долгосрочный выбор. Так было в 1613 году, так было в петровское время и в 1917–1922-м. Постоянная готовность к революционному стрессу вовсе не свойственна нашему народу. Он умеет побеждать, уклоняясь от кровавой бойни, стоянием на Угре. Умеет уклоняться от конфликта, тем самым обеспечивая себе медленное, но верное развитие. У штурвала огромного корабля по имени Россия не место нетерпеливым и дёрганым. Наши деды говорили: «Не спеши в Лепеши — в Сандырях ночуем!»

Можно выделить как минимум два культурных пласта, в которых жестокость преподносится как стиль жизни. Во-первых, это отечественная блатная традиция, связанная и с практикой уличных драк, привлекавшая экстремальными эмоциями мальчишек двадцатых-тридцатых годов. Противостояние блатного Жигана и педагога Сергеева в популярнейшем довоенном кинофильме «Путёвка в жизнь» было актуальным жизненным сценарием. И колоритный индивидуалист Жиган многих привлекал, был непредсказуем и силен. Конкуренция с воровским миром стала важнейшим делом довоенной педагогики. И если полной победы над уголовщиной достичь не удалось, блатной раёк как стиль жизни со временем отступил на второй план. Настоящий ренессанс блатной романтики в массовой культуре пришёлся на 1990-е годы. Экономическая «шоковая терапия» 1992 года нуждалась в социальном наркозе. Женщинам наркоз предоставили в виде мильных опер, мужчинам — в блатной упаковке. Лично я счи-

таю, что социальная терапия необходима, но здесь, кажется, мы выбрали не лучшее из зол. Не только музыка, не только внешний воровской имидж, по сути дела, с цепи были спущены все пороки, упомянутые Уголовным кодексом. Долгое время власти сквозь пальцы смотрели на бандитский беспредел. Воровская этика пропитала общество, сделала его жёстче, беспощадней. Приёмы «блатной истерики», когда клиента «берут на горло», стали привычным и популярным телевизионным зрелищем, которое предлагали и политики, и артисты. До сантиментов ли тут, до слёз ли по брошенному котёнку? Кажется, что героем нового времени станет хищник, одинокий волк, ему принадлежит будущее. Социальные процессы отражались в нашей речи. Прилагательное «агрессивный» всё чаще употреблялось в положительном контексте — как характеристика активного, успешного человека. Может ли «агрессия» стать созидательной? Ею управляет упоительный азарт разрушения — опаснейший наркотик.

Во-вторых, мода на жестокость пришла к нам с Запада, где на низменных чувствах человека давно научились делать деньги. Мы были ограждены от этого бизнеса железным занавесом социализма, а в странах капитала XX век стал временем разрушения аскетического пуританского идеала. Новым язычникам понадобились бои современных гладиаторов. Понадобились острые ощущения, особенно приятные, когда ты — зритель и находишься в безопасности, в мягком кресле. Однако пропаганда насилия — явление опасное. Ходовые тенденции, доведённые до абсурда, выражают радикальные молодёжные движения, подобные немецким анархистам, которые вышли на выборы в бундестаг с лозунгом: «Даёшь дебилизацию»

страны!» Их предвыборный ролик, напоминающий экранизацию истории Содома и Гоморры, свободно транслировался телекомпаниями. Выборы есть выборы. Уверен, что многие молодые люди в России с завистью смотрели на то, как куражатся за государственный счёт их немецкие ровесники. Путь деградации привлекателен тем, что он лёгок. Съезжать по перилам вниз проще, чем карабкаться вверх. Поэтому агрессия так быстро входит в моду.

К сожалению, в век информационных технологий общественное настроение зависит от моды сильнее, чем прежде, когда важную роль играла консервативная традиция. Разумеется, и склонность к анархии, и увлечения всяческой экстремальщиной присутствовали в истории нашего народа. Но магистральной, культуuroобразующей всегда была противоположная этика. Вспомним, как трактовал начало русской государственности летописец в «Повести временных лет». Речь идёт о 862 годе: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались Русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а ещё иные готландцы, — вот так и эти. Сказали Руси чужь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Летописец лаконичен и загадочен, как сфинкс, но через всю «Повесть» проводится идея, подхваченная и последователями Нестора: самое страшное — это усобица, братоубийственное кровопролитие, разобщение. Силой и компромиссами прекращали усобицы и Ярослав, и Владимир Мономах — власти, которых летописец ставит в пример современникам. Уроков Нестора потомки не забывали. Одна лишь полномочная власть способна примирить враждующих, объединить разрозненный народ общей задачей. Терпеливое понимание необходимости государства не раз спасало русский народ от на-

пльвов самоубийственного ухарства. Терпение — наше великое достояние, благодаря которому Россия устояла в войнах, сберегла собственную культуру. В этом терпении —

особая дисциплина, присущая только евразийскому народу. Неприятие потрясений, природное охранительство (ни в коем случае не раскачивать лодку!) — тот фундамент, на котором стоит Россия. Ради утверждения государственности, ради прекращения смут новгородцы в 862 году пожертвовали личной свободой. В последующей тысячелетней летописи Россия не раз делала схожий выбор на самых опасных перекрёстках истории. Хватало мудрости.

2

Есть у русской интеллигенции привычка делать пессимистические выводы эпохального масштаба, которые сводятся к признанию фатальных недостатков нашего народа. Русское западническое самобичевание высмеивал великий западник И.С. Тургенев, не боявшийся подтрунивать над собственными привычками. Джентльменский шарж на самого себя набросал Тургенев в романе «Дым» в образе Потугина. Но Потугин был и альтер-эго Тургенева, его устами писатель провозглашал сокровенные идеи: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, над которой у нас так мило теперь потеша-

Дж. Беллоуз.
Ставьте у Шарки!

ются, — цивилизации, — да, да, это слово ещё лучше, — и люблю её всем сердцем, и верю в неё, и другой веры у меня нет и не будет». Но в западнической горячке на Потугина находит и такое озарение: «Посетил я нынешней весной Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде того, до чего достигла людская изобретательность — энциклопедия человечества, так сказать надо... И подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца всё то, что этот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться могла бы в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавки не потревожила бы, родная: всё преспокойно осталось бы на своём месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы». Здесь проявляется самоирония Тургенева, который додумывает свои — и потугинские — мысли до абсурда, до чёрного омута.

Борьба идей в истории литературы — пространство, давно обжитое нашей школой. Тем, кто одержим болезненной жаждой перемен, хотелось бы изменить ситуацию, уничтожить школьный историко-литературный курс. Ох, уж эти реформы! Так и хочется, по примеру генерала Крутицкого из «На всякого мудреца довольно простоты», засесть за трактат «О вреде реформ вообще»... Конечно, русская литературная классика не может служить универсальной кладовой ответов на любые вопросы. Но без уроков классики нельзя, дискуссия Пушкина, Чаадаева, Герцена, Достоевского, Тургенева, Толстого расцветала такими цветами, что без неё нам никогда не ощутить, что такое русский дух. Феномен Тургенева любопытен своим политическим противоречием: нередко Иван Сергеевич высмеивал собственные убеждения и с теплотой трактовал идеи противников — славянофилов. Это случилось с образом славянофила Лежнева из «Рудина» — все помнят патристический лежневский афоризм «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без неё обходится!» Эти слова воспринимаются как прозрение — и Лежнёв вышел у Тургенева отнюдь не карикатурной фигурой, даром что идейный противник. В русской литературной классике XIX века можно найти противоположные мнения на коренные вопросы русской жизни, но агрессию не проповедовал никто. Отказ от человеколюбия в лоне нашей культуры немыслим. Россия умеет сопротивляться внешнему влиянию, отбрасывая всё неорганичное, противное духу нашей тысячелетней культуры. Понятно недоумение Ольги Чернорицкой, с болью ощутившей контраст между этикой русской литературы и всемогущей современной модой, между святой Русью и миром наживы: «Нам навязывают законы, противоречащие всей нашей культуре во имя какого-то светлого будущего, похожего на их постковбойское настоящее — через каких-нибудь полвека. Возьмём в руки пистолеты и вперёд. К торжеству и победе желудка над совестью и русской

культурой, в которой гораздо интереснее и человечнее тот, кто живёт вопреки законам диалектики и предпочитает оставаться стороной страдающей, нежели прогрессивной и побеждающей. Такими были многие выдающиеся люди. Они не любили страданий, не молились на них, но они ещё больше не любили законов природы и общества, диких и неумолимых. Вот почему страдание в силу этих законов для них было предпочтительней преуспеяния по этим законам и вот почему Настасья Филипповна всегда будет для Достоевского предпочтительнее Аглаи».

3

Размышляя о судьбах гуманизма в воспитании, как не потревожить великие тени Владимира Леонидовича Дурова и Сергея Владимировича Образцова. Мало кто в XX веке сделал для детей больше, чем эти незаурядные художники и мыслители. В предновогодние дни 1911 года в Москве был открыт «Уголок Дурова»; в 1931 году начал работу образцовский Театр кукол. Они были и остаются ненавязчивой школой гуманизма. Именно В.Л. Дуров был основоположником гуманной, мягкой дрессировки. Великий клоун всю жизнь был ве-

рен жизненной заповеди, почерпнутой из Писания: «Не убий, спаси и сохрани». В уголке Дурова дети убеждали, что доброта может творить чудеса, что она — удел сильных, здоровых и, наконец, счастливых людей. Читая книги Дурова, мы замечаем переключку в том числе и с мыслями Эллис Миллер. Владимир Леонидович так изобретательно приводит примеры из жизни животных, что возникает целостная картина человеколюбивой этики. Говоря о дрессировке, Дуров полемизирует с её традиционными методами: «Долой второй удар! Я бы хотел сказать: долой и первый удар, нанесённый животному. Я хочу сказать, что вообще животное бить нельзя, но боюсь, что мне не поверят. А между тем нет и не может быть у зоопсихолога сомнения в том, что чем больше мы бьём, тем меньше оно нас слушает. И эта истина не нова, её все чувствуют, но никто никогда серьёзно над ней не задумывался, не разработал эту мысль, не обосновал её научно.

А надо добиться того, чтобы лучи науки проникли не только в головы учёных, а и в головы наших охотников, дрессировщиков, извозчиков, погонщиков скота, конюхов, всего нашего многомиллионного крестьянства, имеющего постоянное соприкосновение с животными. Вы знаете, как лошадь да и всякое не забитое животное чутко относится к малейшему движению человека, управляющего ею. Она видит все его движения, часто угадывает его намерения.

Если лошадь ещё не забита вконец, то бывает достаточно нагнуться за кнутом, как она уже ускоряет свой ход. На юге крестьяне, отправляясь на буйволах, берут с собой кнут, на конце палки которого висят звенящие кольца. Крестьянин когда-то ударял сильно буйвола и в момент удара, в момент ощущения боли от удара — гремели эти колечки. Звон их ассоциировался с болью от удара. И вот теперь крестьянину достаточно позвенеть кольцами, как буйволы уже начинают усиленно тянуть. Условный рефлекс!

Часто мы видим такого рода явления. Например, вы садитесь в пролётку

извозчика. Он ударяет лошадь кнутом или вожжём. Лошадь бежит вперёд. Но вот извозчик через несколько секунд привстаёт и ударяет вдогонку второй раз. Вот этот-то второй удар кнутом впоследствии и играет трагическую роль. Стоит повторить несколько раз такой приём, и лошадь, пробежав после первого удара некоторое расстояние, останавливается в ожидании второго удара.

Удар за удар сыплются на неё, она то рвётся вперёд, то останавливается. Начинается «задёргивание» лошади вожжами. Она пьётся назад. В конце концов, после целого ряда бессмысленных действий со стороны извозчика лошадь перестаёт совершенно реагировать на удары. И часто мы видим, что упавшая лошадь, которую бьют и кнутом, и вожжём, и ногами, даже не пошевелит ухом. Каждое раздражение даёт ответ. Удар по лошади заставляет её бежать. Удар — раздражение, убежание — ответ. Но если одновременно раздражать и ударом, и словами, крича «но», то лошадь будет впоследствии и без удара бежать вперёд при одном звуке «но».

Звук-слово раздражает слух лошади, и слово «но» или какое-либо другое слово, повторенное несколько раз при каждом ударе, является вторым раздражителем и действует на ответ животного так же, как и первый раздражитель — удар. То же самое получается и в других случаях. Например, вы в первый раз ударяете лошадь, а потом, в следующий раз, уже только поднимаете кнут, не ударяя им. Поднятие кнута есть также второй раздражитель, уже зрительный, на который лошадь отвечает тем, что начинает бежать. Лихачи делают так: они, когда хотят, чтобы лошадь бежала скорее, сильно натягивают вожжи и удилами причиняют сильную боль лошади. Это натягивание вожжей есть раздражитель, а ответ на него — стремление лошади убежать от боли. Затем кучер, когда лошадь прибавляет ходу, несколько отпускает вожжи, ослабляет боль, чем и подкрепляет ответ на раздражение. Это — такой же раздражитель, как и кнут, и ответ и отражение получают одинаковые» («Научная дрессировка промыслово-охотничьих собак»).

Эти строки, конечно, вовсе не только о промыслово-охотничьих собаках. Прозорливые современники Дурова прекрасно понимали, что новаторская система гуманиста-дрессировщика рассказывает нам не только о психологии животных,

но и о предназначении человека. Кнут и плеть можно легко заменить любым проявлением насилия по отношению к воспитанникам — и мы увидим, что мысли Дурова соотносятся с воспитательной деятельностью учителей и родителей. Жаль, что сегодня мы редко обращаемся к его наследию, а ведь оно актуально для многих научных дисциплин, да и для всей жизненной этики. Давно пора переиздать сочинения Дурова массовым тиражом — для учителей и школьников, с комментариями современных психологов. Классика всегда остро современна — и большой талант протягивает нам руку помощи.

С.В. Образцов был человеком неутомимой любознательности — из тех, что приходят в этот мир, дабы исправить его недостатки. Благодаря телевидению об Образцове современный учитель знает больше, чем о Дурове. Энергичный, своенравный, он стал олицетворением *успешного, реализованного русского таланта*. Образцов верил, что искусство, школа, общество могут и должны воспитывать в детях «чувства добрые». Педагогическая энциклопедия лаконично определяет кредо Образцова: «В театре стремился создать обстановку живого соучастия детей в кукольном представлении. Разработал методику работы с детьми-зрителями, нацеленную на пробуждение нравственного чувства, на формирование культурных и эстетических потребностей». Фильмы Образцова, снятые 30–40 лет назад, за эти годы стали ещё актуальнее — «Удивительное рядом» (1962), «Кинокамера обвиняет» (1968), «Невероятная правда» (1970), «Кому он нужен, этот Васька!» (1973).

Многие мысли Образцова 60–80-х сегодня воспринимаются как сбывшиеся предупреждения. Одним из первых великий кукольник почувствовал, сколь опасной может быть массовая культура, когда ей выгодно играть на низменных инстинктах человека, доставлять преступное наслаждение чужой болью, когда зритель как бы подсматривает за чьим-то никчемным балаганным риском. «На

зрительском интересе к чужой опасности построено много зрелищ в разных странах. В Нью-Йорке по телевидению видел организованные на стадионе автомобильные катастрофы. Автомобили наезжали на косую платформу, откуда падали друг на друга, загорались, взрывались. И из них вытаскивали обожжённых водителей. Зрители переполненного стадиона вскрикивали, вскакивали, хватались за головы, но никто не уходил. Ведь за наслаждение чужой опасностью, чужим риском, чужой болью они заплатили деньги. Задаром, что ли? Знали, за что платят, знали, на что идут смотреть. Преступление это. Порождающее такие зрелища, делающее их рентабельными». Вместо того чтобы гордиться, как достижением нашей культуры, отсутствием бесчеловечных видов спорта — мы внедряем, да уже внедрили в российский обиход и бои без правил, и фальшивые, но играющие на тех же струнах низменного инстинкта гладиаторские бои. Добрым словом вспоминаю джентльменство советского спорта, который был немыслим без принципов дружбы и коллективизма. Вместе с жалостью атрофируется и стыдливость. Мы живём в век эксгибиционизма — и можно продолжить Образцова, вспоминая различные зарубежные и отечественные шоу, в которых внешняя и внутренняя разнужданность становится предметом зрительского интереса. В предупреждениях Образцова мы видим предчувствие нынешних шоу вроде «Большого брата». Эксгибиционизм и жестокость принесли этим шоу шумный зрительский успех по всему миру. Оказывается, приятно следить за жизнью подопытных кроликов-людей. Сказывается и идея дегероизации

жизни. В российской традиции заложено уважение к подвигу «за други своя», к герою, преодолевающему трудности во имя высокой идеи. В шоу сама идея подвига обернулась фарсом: «герои» терпят бессмысленные лишения, их старания направлены только к тому, чтобы получить деньги. Труды и дни участников шоу не приносят никакого позитивного результата. Народ ропщет: «С жиру бесятся. Хоть бы дороги, что ли, строили...» И верно. Голодать ради шоу, идти на жертвы, даже на членовредительство ради развлечения почтеннейшей публики — это ли не глумление над героикой подвига?

Об успехах реалити-шоу нужно сказать особо. Всё началось в Голландии, в 1999 году. В рекламе одного из отечественных шоу утверждается: «У некоторых участников во время проекта происходят переосмысление и переоценка ценностей, в результате чего люди кардинально меняются и меняют свой образ жизни. Так, бывший десантник Шура Константинов, участник шоу «Голод», прочитал первую в своей жизни книгу в Берлине в процессе проекта. С «Голода» Шура вышел совсем другим человеком, поступил во ВГИК и сейчас учится на актёрском факультете». Что это — современная путёвка в жизнь? Между прочим, само наименование первого реалити-шоу — «Большой брат» — отсылает нас к антиутопиям Джорджа Оруэлла. Оруэлл описал мир нравственного зазеркалья, мир обратных общих мест, когда мир — это война, ложь — это правда, зло — это добро.

Образцов ещё в эпоху, которую называют застойной, преудреждал о том, что телевидение может стать сильнее средством оболванивания: «Будь проклят телевизор — пропагандист порнографии и насилия! Да здравствует телевизор, несущий людям знания, радость, дружбу...» («Эстафета искусств»).

К экологической идее прилипло немало политических спекуляций. В позднем СССР и России зелёная риторика использовалась для уничтожения индустрии и науки. Отрицательный имидж науки и техники, который удалось навязать обществу, стал этапом деградации отечественной цивилизации. «Экологи» разоружали страну, манипулируя доводами, которые убедительны только в первом приближении. Как правило, за их системами не стояло понимание российской специфики. Но когда об экологическом воспитании говорил Образцов, эта риторика ещё не сформировалась. Он, продолжая традиции Пришвина, Соколова-Микитова, Чуковского (вспомним «Крокодила!»), учил любить природу, любить животных, возвышая человеческую душу. Образцов видел ситуацию и на микроуровне, замечая опасные тенденции в жизни людей. Между прочим, подобные выступления истинно авторитетных людей свидетельствуют о высоком развитии социальной жизни. Важно только, чтобы к этим словам прислушались. У Образцова трибуна была: книги, кинокамера, телевидение, наконец, сцена. Он вёл наступление за ценности гуманизма на всех фронтах: «С детства воспитываются и безжалостность, и жалость».

...Недавно закончился судебный процесс и состоялся суд над тремя молодыми, но вполне взрослыми людьми, которые в городе Видном, украв сенбернара, перочинным ножом сдирали с него, живого, шкуру, чтобы дать скорняку на изготовление шапок. Уверен, что любой из них легко убьёт или искалечит человека. У них атрофия жалости, а это неизлечимо». Когда Сергей Владимирович публиковал эти строки, вряд ли кто-то сомневался, что живодёры заслуживают осуждения, а Образцов прав. Нас воспитывали на идеалах человеколюбия и доброты. Но так было не всегда. В первые годы советской власти детей нередко потчевали суровой революционной литературой, которая не обходилась без классовой борьбы. Поощрялось воинственное, беспощадное отношение к классовым врагам, всяческие сантименты считались пережитками неактуального прошлого. Однако революционный дурман быстро рассеялся, общество нуждалось в гражданском мире и, несмотря на то что 30–40-е годы XX века были временем жестоким, детей воспитывали отнюдь не в человеконенавистническом духе. Тогда же была забыта теория свободной любви — и в отечественной культуре снова утвер-

дился романтический, возвышенный взгляд на отношения мужчины и женщины. Доброта, взаимовыручка, терпеливость, умение подчинить свои амбиции интересам общества, умение пожертвовать собой за других — эти качества вознаграждались моральной и реальной победой. Воспевался незаметный подвиг маленького человека («винтика») — взрослого и ребёнка. Замечательно сказал Пришвин: «Этика социализма в том, чтобы маленькому вдунуть душу большого». В детском искусстве в 30–50-е годы закрепились тенденции человеколюбивого воспитания. Для будущего идеального общества готовили людей тонких, незлобивых, миролюбивых, хотя и готовых к испытаниям. Нельзя уверенно ответить, воплотились ли эти планы в жизнь, но детская литература, кино и мультипликация послевоенного периода — замечательное наследие. Мне приходилось слышать мнение, что советская мультипликация формировала слишком мечтательных и инфантильных людей. Не могу с этим согласиться. Человек с развитой фантазией, с творческой жилкой вовсе не обречён на поражение в жизни, он изобретателен и рассудителен. Подобно мультипликационному Бонифацию, он может выйти победителем из кризисной ситуации. Советская мультипликация предлагает ребёнку более сложную и разнообразную психологическую программу, чем массовая зарубежная продукция. Её внимательный зритель легче адаптируется к неожиданным испытаниям, он не ждёт от жизни примитивной однолинейности. Наше замечательное детское искусство помогает человеку быть счастливым, остальное зависит от него самого...

4

Идея сильной личности, если она противоречит идеалам человечности, оборачивается тяжёлым, болезненным поражением для человека. В отечественной традиции устоялось уважительное отношение к доброй созидательной силе. На склоне лет седобородый мудрец Конёнков завещал: «Пусть каждый чувствует себя большим, живёт, как большой свободный творческий человек. Всё пущено в ход, нажаты все рычаги, чтобы слабого превратить в сильного, колеблющегося — в уверенного. Человек должен быть большим в смысле гармонического развития ума, чувств, физической и нравственной красоты, неразрывности слов и дела».

По мне агрессия страшнее лжи; ложь во имя мира оправданна. *Правда хорошо, а счастье лучше.* На какую только подлость не пойдёт вольный человек ради «адреналина». Когда-нибудь история спросит у опрометчивых идеологов агрессии: «Драку заказывали?» — и мало никому не покажется. Худой мир всегда лучше доброй ссоры. Самым последовательным противником социального компромисса был Адольф Гитлер, выдвинувший теорию перманентной борьбы. Склонность к компромиссу, к умиротворению он считал «человеческой слабостью, жалкой чертой характера». Он отрицал эффективность любого объединения, стремился к разобщению личностей и народов, которые должны ожесточённо соревноваться. Победитель, по праву

сильного, получает *всё*. «Никогда не следует забывать, что всё действительно великое в этом мире было завоёвано отнюдь не коалициями, а являлось результатом успеха одного-единственного победителя» («Моя борьба»). Яростный индивидуализм оправдывает агрессивное поведение, которое-де полезно для отсеивания слабых и больных в историческом процессе. Индивидуалистам нелегко научиться любить историю России, наш «край родной долготерпенья». Участь России непременно покажется им жалкой, постыдной — и захочется до неузнаваемости изменить облик родной страны.

У Пушкина царедворец проговаривается: «Давай народ искусно волновать!». Поэт и его читатели прекрасно знали результат этих стараний: многолетняя смута, путь тяжёлых поражений, долгий путь к согласию и победе. Нынче пирог политической власти представляется столь лакомым, что в политику пускаются, как в золотую лихорадку. Эпатаж, скандал и провокация обращают на себя внимание, это проверенная тактика. Честолюбцам важно взбаламутить стоячую воду, ни в коем случае не допустить политической стабильности, при которой профессионалы ценятся выше демагогов. Характер русского народа, не любящего бузотерить по всякому поводу, ужасно мешает искателям бури... Чтобы пробудить бунтарскую гражданственность, они готовы играть на струнах анархизма, сулящего кровавый хулиганский праздник непослушания. Весёлый мордобой, уличное витийство. «Искусно волнуя народ», очень важно раздуть в нём искру звериной ярости. Без агрессии — никуда. Публицист Константин Крылов, называющий себя русским националистом, призывает: «Цель ясна: раскодриваться. Снять неведомо кем наложенный запрет на участие в конфликтах. Люди должны почувствовать ВКУС ненависти и мести — и понять, что в этом-то и состоит величайшее счастье, доступное человеку». Кажется, что образованный и способный литератор искусственно распаляется, проверяя на прочность

и популярность отвратительную идею. Слишком уж по-сектантски темпераментно звучит эта формулировка обратного общего места, истины, перевёрнутой с ног на голову. Видеть счастье в ненависти и злобе — это очень современно, зрелищно и зажигательно. Думается, наш идеолог рассчитывает на ясную перспективу: сначала возбудить молодёжную агрессию, а после управлять ею в политических целях. Неплохой бизнес-план в условиях конкурентной политической борьбы, но в реальности российского авторитаризма, которому свойствен спасительный инстинкт самосохранения, подобный радикализм всегда будет на обочине, вдали от магистральных дорог. Ненависть — страшная, неуправляемая стихия. Когда наш народ вёл Отечественную войну, осознавая справедливость своего ратного труда, наука ненависти к захватчику была необходимым (хотя и болезненным) отступлением от народной морали. И симоновское «Сколько раз увидишь его — столько раз его и убей», и яростные статьи Эренбурга сохранили накал той праведной ненависти, которую, впрочем, умело дозировали, чтобы не перелить через край. Но, преодолев месяцы отступлений и поражений, ощутив свою силу, советский народ стал великодушен. Можно долго, с историческими и бытовыми примерами рассуждать о том, что такое сила и что такое слабость. Умение держать себя в руках, не опускаться до истерики, до мести и самосуда — это черта, присутствующая истинно мужественным, подлинно сильным людям и народам. Скажем, поведение Красной армии в оккупированной Германии в 1945-м и позже — пример силы, которая не нуждается в истерическом самоутверждении. Конечно, достойное поведение солдат, у которых было немало оснований для мести, — это заслуга нашей идеологии, которая твёрдой рукой проводилась в армии. Разумеется, не следует абсолютизировать нравственную силу нашей армии. В жизни всякое случается — и мы не будем, по примеру западных коллег, представлять своих противников

пигмеями, а себя — высшей расой. Но высокие моральные требования к армии и обществу были заданы всей историей Руси — России — Советского Союза. Стремление к святости не даёт нам права считать преступление подвигом, а непримиримость — добродетелью. В заграничных походах русской армии 1813—1814 годов (в особенности — после вступления на французскую территорию) наш солдат проявил великодушие, воспитанное царским неприятием мародёрства и мести. А ведь за спиной русского солдата стояли родные разорённые деревни и руины поруганных святынь. Многим памятна речь Кутузова из толстовского романа: «Вам трудно, да всё же вы дома, а они... видите, до чего они дошли, — сказал он, указывая на пленных: — хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?» Неистовым ревнителям трудно понять подобную логику. Темперамент мешает. От кипятка подымается пар, уходящий в свисток. Как трудно понять им и замысел скульптора Вучетича, установившего в Берлине не устрашающего, но сильного своей добротой воина, который противостоит не только солдатам рейха, но и этике, и эстетике национал-социализма. А в Восточную Германию уже в 1945 году пошёл русский хлеб. Голодный, измождённый, но непобедимый народ протянул руку помощи недавнему врагу. *Так вели себя победители*, но современный публицист почему-то предпочитает учиться не у отечественных победителей, а у потерпевших крах немцев.

В мире искусственных мыслей, чувств и предметов, конечно, нетрудно рискнуть унылым благополучием сегодняшнего дня ради «острых ощущений». В трещащей синтетической водолазке, пообедав советскими продуктами, наслушавшись синтезаторной музыки, ощущаешь, что никаких постоянных ценностей в мире нет. Познавая мир, проникаясь его красотой, становишься рачительнее и милосерднее.

Москва, 2005 г.

